

НЕСВѢТЛЫЯ СТОРОНЫ НАШЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

(ИЗЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ)

Двѣ статьи, одновременно (отъ 1-го ноября 1867 г.) появившіяся въ разныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, одна: *о чтеніи въ Церкви и церковномъ плъніи*, во Владимірскихъ, другая: *замѣтки для священно-церковно-служителей изъ наблюденій одного сельскаго благочиннаго*, въ Вологодскихъ, останавливаютъ на себѣ особенное вниманіе. Изъ первой можно видѣть, какъ нашимъ православнымъ народомъ мало еще усвоены христіанскія понятія и начала жизни; вторая свидѣтельствуетъ, чего еще недостаетъ самому духовенству, чтобы оно могло содѣйствовать этому усвоенію. „Каковъ попъ, таковъ и приходъ“, говоритъ наша народная пословица; но столько же вѣрна и обратная мысль: „каковъ приходъ, таковъ и попъ“. Судить и осуждать кого либо въ этомъ случаѣ трудно, да и было бы безплодно. Несомнѣнно то, что если русской народъ имѣть свою лучшую духовную, а съ нею и матеріальную будущность, то этого лучшаго онъ можетъ достигнуть только чрезъ церковь, при содѣйствіи Ея служителей. Народъ воспитывается отълько вѣрою; а вѣра дается прежде всего словомъ;

кто не слышалъ евангельскаго ученія, то есть, не понималъ и не усвоилъ его по мѣрѣ данныхъ силъ, тотъ не можетъ быть христіаниномъ: истины — такія общеизвѣстныя и простыя, что, кажется, къ чему ихъ и повторять? А между тѣмъ намъ нужно не только повторять ихъ, но и доказывать и непрестанно напоминать; мы видимъ милліоны крещеныхъ людей, среди которыхъ цѣлыя столѣтія существуютъ православныя храмы съ причтами при нихъ и Богослуженіемъ въ нихъ, и которые, посѣщая даже эти храмы и присутствуя при Богослуженіи, все еще не научились сосчитать хотя бы того, сколько у нихъ боговъ, сколько богородицъ, которые не вдругъ отвѣтятъ на вопросъ: масляница не есть ли также Богъ, — а о молитвѣ, хотя бы только Господней, и спрашивать ихъ нечего. Что же это значить, въ самомъ дѣлѣ? И въ самой дурной школѣ чему-нибудь да можно же научиться, если тамъ учитель хотя чему-нибудь учить. За чѣмъ же эти люди ходятъ въ церковь, что они тамъ дѣлаютъ и что оттуда выносятъ? На это отвѣтять предлагаемыя упомянутыя статьи, которыя мы позволяемъ себѣ перепечатать лишь съ небольшими сокращеніями. Дай Господи, чтобы подобныя, истинно полезныя и благонамѣренныя голоса, по всѣмъ концамъ православной Россіи и особенно по нашимъ духовно—и недуховно—учебнымъ заведеніямъ раздавались непрестанно и напоминали бы намъ, какъ мы, учась повидимому многому, не доучиваемся на самомъ дѣлѣ до азбуки сознательной жизни. Доколѣ мыслужители церкви не воспитаемъ себя на столько, чтобы напр. читая молитву въ слухъ, читать такъ, чтобы наши слова можно было явственно разобрать, или, — приходя въ храмъ Божій, вести себя какъ слѣдуетъ че-

ловѣку, сознательно пришедшему для молитвы и слушающаго слова Божьяго,—доголѣ, чему бы мы ни учились, нѣтъ и не можетъ быть никакой надежды на развитіе православнаго народа церковію,—доголѣ и раскольники, и магометане, и евреи, и особенно западное духовенство, нынѣ и въ Россіи начинающее по русски совершать свое Богослуженіе и проповѣдывать, по ихъ совѣсти будутъ считать себя въ правѣ искать вліянія на нашъ безграмотный народъ, ничему не могущій научиться въ своей церкви, и даже на очень грамотное общество, часто не менѣе народа жаждущее слова истины и церковной молитвы,—молитвы хотя бы неразвлекаемой явною небрежностію служащихъ и неблагоговѣніемъ предстоящихъ.

О чтеніи въ церкви и церковной проповѣди.

Разумѣши ли, яже чтеши?

(Лѣв. VIII, 30).

При слушаніи церковнаго чтенія, намъ не разъ приходилось повторять (про себя, разумѣется) вопросъ Филиппа евовуху царицы Кандакїи: *разумѣши ли, яже чтеши?*

Пока поютъ, вы замѣчаете еще нѣкоторое вниманіе въ предстоящихъ. Они еще внимаютъ стройному пѣнію, восхищаются и умиляются имъ; слушаютъ, пожалуй, и безобразное пѣніе и подсмѣиваются, — особенно это можно замѣтить въ людяхъ, именующихъ себя образованными. Но вотъ напр: начинается чтеніе шестопсалмія,—вы видите, что одни начіпаютъ перешептываться, заглядывать по сторонамъ, заглядывать подъ шляпки и

шапки, смотреть на часы — сколько дескать времени продолжится чтение шестопсалмия. Такъ ведетъ себя одна половина предстоящихъ, — это образованный классъ. Эти люди мнятъ про себя, что имъ давно уже извѣстно все то, что читается въ церкви, что они пришли въ церковь и не выходятъ изъ нея больше для приличія, что они своимъ присутствіемъ дѣлаютъ честь и украшеніе церкви... Другая половина, люди простые, люди одной вѣры, забившись гдѣ нибудь въ уголокъ, просятъ Бога и святаго, которымъ поставили свѣчу, просятъ и благодарятъ всякій по своему, о своемъ и за свое ('). Начинается чтение „каѳизмъ“, — и еще не внимательнѣе слушаютъ предстоящіе это чтение. Такъ, въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ церквахъ, при совершеніи богослуженія, можно увидать ту же картину, какую нарисовалъ соборъ 1666—67 гг. „читаютъ и поютъ въ два, въ три голоса, разговариваютъ о суетныхъ и привременныхъ попеченіяхъ, кланяется всякъ своей иконѣ“ (теперь только изъ дому не приносятъ иконъ) и пр.

Гдѣ же въ нашей церкви единство, то единство, котораго желалъ Единородный Сынъ Божій? Гдѣ то единомысліе, единство сердца и устъ, о чемъ такъ по-

(') Вотъ вы слышите изъ одного угла учащенное: „Господи Іисусе“; изъ другаго: „Мать Божія Богородица, Владимірская, Скорбящая, Неопалимая Купина“!... „Никола Милостивый сохрани насъ отъ водяной потопи“; изъ третьяго: „Хлоръ Лаверь, батюшка, попаси нашихъ лошадокъ отъ лихаго человѣка“! а Власій Недосій защита нашихъ коровокъ отъ мороваго повѣтрія“! По народному вѣрованію Хлоръ—Лаверь одно лице и есть не что иное, какъ коневій богъ. Власій—Недосій тоже многими считаются за одно лице за бога коровъ. Народъ потому, быть можетъ, и присоединилъ къ Власію Недосію, что они часто рисуются на одной иконѣ и имена ихъ подходятъ подъ ризму. Бываютъ и не такія молитвы: иногда молятся „Николѣ милостивому“, чтобы онъ пособилъ мужику обдѣлать какое нибудь безчестное дѣльце. „Вынеси только, угождая Божій, рублеву свѣчу поставлю“!

стоянно молить православная церковь и къ чему приглашаетъ всѣхъ православныхъ христіанъ, предстоящихъ во храмѣ? Гдѣ тотъ страхъ и трепеть, съ которыми должны предстоять въ храмѣ православные христіане, когда мы нерѣдко не видимъ и престога приличія?..

Но здѣсь виновны не одни предстоящіе, а и творящіи съ небреженіемъ дѣло Божіе. Они не только что оскорбляютъ Бога, но соблазняютъ и своего брата. Иной и желалъ бы помолиться вмѣстѣ съ церковію, да нѣтъ возможности: *ничего не разберетъ и не пойметъ*. Тутъ уже по необходимости всякій будетъ справлять свою службу. Религіозное чувство всегда такъ или иначе желаетъ выказаться предъ Богомъ. Тѣ же изъ предстоящихъ, которые легко смотрятъ на церковное богослуженіе, — еще легче, еще небрежнѣе начинаютъ относиться къ этому дѣлу, когда видятъ, что сами предстоятели считаютъ церковную службу дѣломъ оффиціальнымъ, когда стараются только выполнять такъ или иначе уставъ. А другая половина предстоящихъ, люди вѣрующіе въ простотѣ сердца и мянціе достигнуть оправданія и святости одною внѣшностію, люди принимающіе средства къ оправданію и освященію за самую цѣль, — люди эти находятъ подтвержденіе своихъ ложныхъ мнѣній въ такомъ небрежномъ совершеніи богослуженія. Хожденіе въ церковь и стояніе при неразборчивомъ и непонятномъ чтеніи, а подѣ часъ, и пѣніи принимается ими за подвигъ благочестія. Они слышатъ, что нужно ходить въ церковь, что безъ церкви нельзя спастись; они и ходятъ и стоятъ тамъ безъ всякаго участія въ общихъ молитвахъ церкви, и думаютъ, что это-то и есть подвигъ и средство ко спасенію. При

такое убѣжденіи у нихъ очень естественно можетъ родиться и дѣйствительно рождается вотъ какого рода мнѣніе: если самое стояніе при чтеніи отъ „божественныхъ писаній“ ведетъ ко спасенію; то, стало быть, гдѣ дольше стоять и больше читаютъ, тамъ скорѣе можно достигнуть праведности, а пожалуй, и святости. Но гдѣ дольше стоять, больше и даже чинѣе читаютъ, какъ не у раскольниковъ? Что читаютъ, это имъ все равно лишь бы то было только отъ „божественныхъ писаній“. Такой взглядъ давно укоренился въ нашемъ народѣ (1).

Кромѣ того, что небрежное чтеніе служитъ одною изъ причинъ охлажденія къ св. церкви; оно же служитъ, одною изъ причинъ къ поддержанію языческихъ суевѣрій въ нашемъ народѣ. Это, во первыхъ, вотъ какъ бываетъ: народъ нашъ, участвуя при церковномъ богослуженіи и не имѣя возможности молиться по молитвамъ церкви, справляетъ въ церкви свою службу. Но всякому извѣстно, что народныя молитвы носятъ на себѣ языческой характеръ, болѣе или менѣе прикрытый

(1) Намъ привелось разъ слышать торжественное признаніе одного православнаго въ томъ, что онъ ходитъ въ церковь, чтобы послушать отъ Бож. Писаній и что это „болѣе полезно“. „А что тамъ читается, понимаешь?—нѣтъ. За чѣмъ же ты ходишь, когда не понимаешь? — Да полезно. — Что же тутъ полезнаго? — Все такъ говорятъ. — Тебѣ скажутъ, что въ воду полезно деньги бросать, ты бросишь?—Нѣтъ. — Почему? — Они зря пропадутъ. — А въ церковь дашь деньги?—Даю — Можетъ быть и такъ они зря (напрасно) пропадаютъ. — Нѣтъ: тамъ читаютъ слово Божіе. — Да вѣдь ты не понимаешь? Нѣтъ. — Ну что, если вотъ теперь тебѣ почитаютъ изъ слова Божія, ты подумаешь, что это тоже полезно тебѣ будетъ и дашь денегъ?—Да. — Одинъ изъ бывшихъ въ этомъ собраніи раскрылъ Библию и началъ читать X гл. изъ книги Бытія, гдѣ, какъ извѣстно, разсказывается о потомствѣ Ноевыхъ сыновъ. По прочтеніи, мужикъ, ни слова не говоря, вынимаетъ и даетъ чтецу три копейки. „За что ты даешь?—За то, что ты читаешь изъ божеств. писанія. — Да ты понялъ ли что нибудь? — Нѣтъ, ничего!“ Полезно, значить одно чтеніе ..

христіанствомъ, т. е. языческія понятія прикрываются христіанскими именами, лицами и событіями. Такъ всѣ свойства и качества древнихъ божествъ Перуна, Волоса и пр. народъ перенесъ на св. пророка Ілію, св. Власія и проч. Далѣе—народъ выхватываетъ изъ чтенія только отдѣльныя слова и фразы и понимаетъ ихъ по своему полуязыческому воззрѣнію, чего, разумѣется, не могло бы быть, если бы народъ разслушивалъ и понималъ все прочитанное. Черезъ это полуязыческія понятія получаютъ нѣкоторымъ образомъ санкцію на свое существованіе: народъ думаетъ, что самое божес. писаніе говоритъ то же самое, что у него на умѣ.— Это второе. Въ третьихъ: народъ, думающій, что спасительная сила находится въ самыхъ словахъ, написанныхъ или произнесенныхъ, не понятыхъ и не усвоенныхъ ни умомъ ни сердцемъ,—считаетъ эти слова за нѣкіе талисманы, имѣющіе магическую силу. И чѣмъ хитрѣе, чѣмъ непонятнѣе слово, тѣмъ оно кажется сильнѣе и привлекательнѣе. Такъ народъ нашъ привѣшиваетъ на крестъ многіе тексты изъ Библіи, написанные на доскуткѣ бумажки, чтобы избавиться *отъ лихой бальсти*; чтобы найти покражу и устигнуть вора, читаютъ: Отче нашъ „*наизворотъ*“, т. е. начиная съ послѣдняго слова: *отъ лукаваго насъ но избави* и проч. Чтобы отомстить своему врагу читаютъ всадомъ 108: *Боже хвалы моя не премолчи* и до конца. Пожалуй нѣкоторые скажутъ, что произнесеніе священнаго текста, особенно произнесеніе нѣкоторыхъ словъ, какъ напр. бож. имени „Іисусъ“, можетъ имѣть чудотворную силу: произнесеніемъ имени Іисуса Христа изгоняются бѣсы; виѣшнее начертаніе этого достопокланяемаго имени и начертаніе креста тоже могутъ имѣть спаси-

тельное дѣйствіе. Мы совершенно согласны, что достопоклоняемое имя Іисусъ и крестъ Христовъ могутъ оказывать сверхъестественную силу; но только тогда, когда произносящій и начертывающій ихъ на себѣ будетъ имѣть въ своемъ умѣ правильное понятіе о нихъ, когда онъ имѣетъ ихъ уже начертанными въ своемъ сердцѣ, и воздастъ имъ должное чествованіе не словами только и внѣшностію, но дѣлами по внутреннему человѣку. Мы знаемъ, что крестъ начертывался и изображался и прежде распятія Христа и послѣ многими неправовѣрующими и язычниками. Его изображали и на одеждахъ и на украшеніи домашней утвари, на немъ распинали—и все это было и прежде и послѣ распятія Христова. Стало бытъ, можетъ имѣть спасительное дѣйствіе не вообще „крестъ“, но только „крестъ Христовъ“. Мы знаемъ также, что достопоклоняемое имя Іисусъ Христосъ произносили и произносятъ, начертывали и теперь изображаютъ многіе невѣрующіе въ него и многіе неправовѣрующіе; но въ ихъ устахъ и начертаніяхъ это имя не имѣетъ никакой спасительной силы ни для нихъ, ни для другихъ; мало того, невѣрующіе и неправовѣрующіе произнесеніемъ и начертаніемъ бож. имени Іисусъ могутъ себѣ только вредъ причинить: потому что въ ихъ сердцѣ нѣтъ должнаго вниманія и благоговѣнія къ этому бож. имени. Мы знаемъ изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, что невѣрующіе во Христа іудеи думали было употреблять Его бож. имя для заклинанія духовъ нечистыхъ, думали воспользоваться этимъ именемъ, какъ пѣвчимъ таинственнымъ талисманомъ, и что же вышло? Когда, скажемъ словами книги Дѣяній, *начаша нѣцыи отъ скитающихся іудей заклинателей именовати надъ имущими души лю-*

кавыя имя Господа Иисуса Христа, глаголюще: заклинаемъ вы Иисусомъ, Ею же Павелъ проповѣдуетъ... Отвѣщавъ же духъ лукавый, рече: Иисуса знаю и Павла емъ, вы же кто есте? И скочи на нихъ человекъ, въ немъ же бы духъ лукавый, и одолевъ ихъ, укрѣпился на нихъ, яко же наемъ и ураненнымъ избѣжати отъ храма онаго (Дѣян. XIX, 13, 15, 16). Стало быть, полезно не одно произнесеніе имени Иисуса, но живая и дѣятельная вѣра въ Него, какъ въ Богочеловѣка.

Большинство нашего православно-русскаго народа употребляетъ и до сихъ поръ нѣкоторыя священныя изображенія и изреченія только съ внѣшней стороны, только—какъ мы сказали—какъ магическіе талисманы, замѣнившіе собою древнеязыческія чары кудесниковъ и жрецовъ. Вы и теперь нерѣдко встрѣтите многихъ богобоязненныхъ старушекъ, которыя, чтобы избавиться отъ *лихоманки* (лихорадка) идутъ къ священнику за тѣмъ, чтобы онъ далъ священной золы, или написалъ бы какое нибудь мудрое изреченіе. Если эти средства не отгоняютъ злой болѣзни, то вы увидите тѣхъ же старушекъ у колдуна (который есть ничто иное, какъ древне-русскій жрецъ—кудесникъ), который имъ даетъ вмѣсто мудраго библейскаго изреченія какую нибудь бессмысленную чепуху, въ родѣ „абракадабра“, вмѣсто золы изъ кадила—сушеную змѣю и проч. Вы тутъ видите явное сопоставленіе язычества съ христіанствомъ и замѣчаете какъ, конечно, между прочимъ, непонятное чтеніе въ церкви поддерживаетъ въ народѣ увѣренность въ спасительное дѣйствіе одной обрядовой внѣшности, и какъ надъ этою внѣшностію, которая по своему значенію должна бы изображать наглядно ту или другую христіанскую истину и быть средствомъ къ освященію

и оправданію, какъ, говоримъ, подъ покровомъ этой внѣшности доселѣ дышетъ язычество.

Конечно не вездѣ читаютъ съ небреженіемъ. Мы слышимъ въ нѣкоторыхъ церквахъ чтеніе внятное и раздѣльное, въ которомъ можно слышать каждое слово. Но и тутъ невольно является вопросъ: разумѣютъ ли, что читаютъ? Многіе чтецы, такъ и чувствуется, что не понимаютъ произносимыхъ ими словъ и фразъ: останавливаются безъ всякой запятой, точки прочитываютъ безъ всякой остановки, дѣлаютъ логическое удареніе на союзахъ, чувствуютъ на предлогахъ. Такое чтеніе не многимъ чѣмъ удовлетворительнѣе чтенія неразборчиваго; такое чтеніе пойметъ только тотъ, кто прежде знакомъ съ его содержаніемъ.

Но есть и хорошіе чтецы, которые читаютъ со смысломъ и понимаютъ. Понимаютъ ли такое чтеніе предстоящіе, православные христіане? *Какъ могутъ разумѣть, еще не кто наставитъ ихъ?*... Все прочитанное понимаютъ не многіе, опять тѣ же, которые были прежде знакомы съ содержаніемъ извѣстнаго чтенія или съ содержаніемъ вообще христіанской религіи. Большинство же выхватываетъ только отдѣльныя фразы и понимаетъ ихъ по своему личному воззрѣнію. Одинъ вотякъ долгое время прислушивался къ воскресному евангелію отъ Іоанна, 67 зач., и никакъ не могъ понять, что такое тамъ говорится, хотя этотъ вотякъ хорошо говоритъ по русски. Вотяка этаго звали Семеномъ Ивановичемъ. Вотъ онъ разъ и спрашиваетъ священника: „бачька, что это ты все читаешь: Семень Иванычъ любишь ли меня?!“ Положимъ, что это вотякъ, а русскіе правильно ли понимаютъ ясное и раздѣльное чтеніе? Нѣкоторыя слова изъ церковно-славянскаго языка ста-

ли уже непонятны для русскаго человѣка. Многія фразы, подстрочно переведенныя съ греческаго языка, и образованному человѣку трудно уразумѣть, не то что простолюдину. Слыша отдѣльныя слова и фразы, народъ простой соединяетъ съ ними свои доморощенные понятія, — какъ было выше сказано, — уцѣлѣвшія отъ язычества и получившія особенный характеръ отъ вліянія христіанства. Это смѣшеніе христіанства съ язычествомъ и укрытіе языческихъ понятій подъ христіанскою вышностію очень легко могло случиться вопервыхъ потому, что христіанская религія досталась намъ не на русскомъ языкѣ: догматы вѣры, выраженные съ свойственною въ то время грекамъ діалектической тонкостію, не могли быть съ точностію передаваемы на славяно-русскій языкъ, бѣдный въ то время, отвлеченными понятіями; развитыя понятія греческаго образованнаго ума не могли уложиться въ умъ тогдашняго русскаго человѣка. Развитыя, на основаніи слова Божія, правила нравственности и приспособленныя къ понятіямъ и складу жизни образованныхъ грековъ, не могли быть ни всецѣло поняты, ни приложены къ понятіямъ и жизни тогдашняго русскаго человѣка, только что начинавшаго вступать въ должное отношеніе къ обществу и государству. Для отвлеченныхъ, возвышенныхъ христіанскихъ истинъ нужно было брать обыкновенныя слова, отвлекать ихъ отъ предметовъ чувственныхъ къ сверхъ-чувственнымъ, отъ понятій языческихъ къ понятіямъ христіанскимъ. Но не многіе тогда могли возвыситься до того, чтобы разгаться съ своими доморощенными понятіями, выраженными тѣмъ или другимъ роднымъ словомъ. Для русскихъ того времени трудно было уразумѣть подъ своимъ роднымъ словомъ совер-

шенно другое понятіе, и не легко было оставить свое доморощенное понятіе, которое было выработано его собственною жизнію и такъ или иначе всецѣло входило въ жизнь народа.

Далѣе, тогда мало и заботились о томъ, чтобы съ тѣмъ или другимъ словомъ соединялось христіанское понятіе. Достаточно было, если человѣкъ окрещенъ, ходитъ въ церковь, почитаетъ Бога и св. угодниковъ. Тогда мало обращали вниманія на то, какія понятія русскій человѣкъ соединяетъ съ словами Богъ и св. угодники, какія свойства приписываетъ имъ. Обращали вниманіе только на внѣшняго человѣка, думали искоренить язычество только сокрушеніемъ истукановъ, посѣченіемъ священныхъ дубравъ и уничтоженіемъ публично-общественныхъ празднествъ въ честь языческихъ божествъ, — словомъ уничтожали только внѣшняго идола, внутренней же идолъ оставался безъ вниманія. *Вотъ этотъ то внутренней идолъ и досель царитъ въ народныхъ понятіяхъ, прикрывшись христіанскою оболочкою.* Поэтому многіе изъ православныхъ не могутъ объяснить вамъ, въ какого Бога они вѣруютъ. Христіанскій Богъ, Богъ мира, любви и благодати, по народнымъ понятіямъ, есть только грозный судья и каратель. „Войся Бога, Богъ побьетъ, божишка накажетъ“ — вотъ первая и почти единственная понятія о Богѣ изъ народнаго катихизиса. Не только народъ не знаетъ свойствъ и качествъ Божества, нѣкоторые изъ народа не знаютъ: какъ назвать Бога, не знаютъ сколько у насъ боговъ. Тотъ же простолюдинъ, который признавался, что ничего не понимаетъ въ церкви, насчиталъ до четырнадцати боговъ. „Сколько у насъ боговъ? — Да Богъ ихъ знаетъ! Назови хоть одного? Саваохъ. — Еще:—

Господь, Владычица, Казанская, Михаилъ Архангелъ, Рождество, Пасха, Святки. — А масляница? — Нѣтъ, масляница не Богъ, сказалъ, подумавши⁴. Мы далеко бы отклонились отъ предмета, если бы стали распространяться о народныхъ полуязыческихъ понятіяхъ, вкравшихся въ христіанство.

Мы выше сказали, что народъ при неразборчивомъ чтеніи выхватываетъ только отдѣльныя фразы, понимаетъ ихъ по своему, и что такія отдѣльныя и непонятныя изреченія налагаютъ нѣкотораго рода санкцію на существованіе полуязыческихъ повѣрій, — тѣмъ именно, что народъ слышитъ (по своему) въ божественныхъ книгахъ подтвержденіе своихъ понятій; но все это можетъ быть и при разборчивомъ чтеніи, особенно гдѣ встрѣчаются образныя выраженія. Такъ напр. въ образныхъ выраженіяхъ: „солнце праведное, солнце правды“, человекъ понимающій будетъ уразумѣвать истинный смыслъ, а человекъ неразвитый, никѣмъ не наученный, пойметъ эти образныя выраженія въ буквальномъ смыслѣ, и притомъ же, у него уже есть готовыя понятія о солнцѣ, какъ Богъ (Дажь-богъ). Еще доселѣ мы можемъ слышать отъ дѣтей молитвенное обращеніе къ солнцу: „солнышко, солнышко! выгляни въ окошечко, твои дѣтки плачутъ, пить ѣсть просятъ“. Равносильныя выраженія, прилагаемыя къ Іоанну крестителю: „Предтеча солнца, денница солнца“, народъ понимаетъ по своему. Не даромъ въ русскомъ народѣ, почти повсемѣстно помнится Иванъ-Купала (древнее обоготвореніе высшаго развитія и проявленія оплодотворяющей силы солнца, съ которымъ слился въ народныхъ понятіяхъ Іоаннъ Креститель).

Въ самыхъ иконахъ народъ видитъ (по своему) под-

твержденіе своихъ ложныхъ мнѣній. Такъ напр. на иконахъ Флора и Лавра часто рисуются лошади, и народъ говоритъ, что „Хлоръ Лаверъ коневій богъ“. Св. Ілія пророкъ рисуется на огненной колесницѣ, везомой огненными крылатыми конями; народъ говоритъ, что Ілья пророкъ и досель еще ѣздитъ по небу и производитъ громъ и молнію.

Такъ что же, скажутъ пожалуй, вы говорите о вредѣ дурнаго чтенія въ церкви?... на это давно обратили вниманіе. Вы говорите, что и хорошее чтеніе непонятно для простаго народа, въ слѣдствіе подстрочнаго перевода нашихъ книгъ съ греческихъ и въ слѣдствіе образнаго выраженія,—такъ по вашему не перевести ли вновь богослужебныя книги на русскій языкъ и не ввести ли его въ церковное употребленіе? Не слѣдуетъ ли выбросить образныя выраженія и оставить нѣкоторыя иконы, такъ какъ, по вашему, народъ находитъ въ томъ и другомъ поддержку своимъ ложнымъ воззрѣніямъ? Совершенно мы имѣемъ въ виду другія слѣдствія. Мы только желали бы и смѣемъ думать, что отъ этого будетъ большая польза,—если бы священники, объясняя въ проповѣди св. писаніе, объясняли и значеніе предметовъ находящихъ ся въ церкви и содержаніе церковнаго чтенія и пѣнія. Чрезъ это люди простые, люди внѣшности, будутъ уразумѣвать истинный смыслъ христіанскаго богослуженія; они уже не будутъ считать одну внѣшность достаточнымъ средствомъ для спасенія, такъ какъ усвоеніе внутренняго содержанія христіанскаго богослуженія требуетъ не внѣшняго только участія въ молитвахъ церкви, но болѣе всего—принятія извѣстной истины умомъ и усвоенія сердцемъ. Народныя полуязыческія понятія, которыя суть не что иное, какъ непонятное благоговѣніе

предъ таинственными силами природы и олицетвореніе этихъ силъ подъ различными внѣшними символами, падутъ сами собой, когда народъ уразумѣетъ истиннаго Творца и Правителя видимой природы.

Это объясненіе содержанія церковнаго богослуженія не менѣе будетъ полезно и для другой половины предстоящихъ, для современныхъ образованныхъ людей. Люди эти, хвалящіеся знаніемъ, очень мало смыслятъ во внутреннемъ содержаніи христіанства вообще, и въ частности въ пониманіи внутренняго смысла христіанскаго богослуженія. Оставивши народныя заблужденія, народное благоговѣніе къ внѣшности, благоговѣніе предъ таинственными для простаго человѣка силами, явленіями и даже предметами природы, — люди эти холодны къ христіанству болѣе потому, что знаютъ и видятъ одну внѣшность христіанства, которая для нихъ не имѣетъ важности, такъ какъ они не понимаютъ внутренняго содержанія ея. При томъ же они слышатъ изъ другаго угла, что христіанство годно только для необразованныхъ людей, что христіанство теперь уже не современно и проч., и зная христіанство только съ внѣшней стороны, соглашаются съ такими ложными взглядами, — начинаютъ либеральничать и либерализмъ ихъ обнаруживается прежде всего въ томъ, что они перестаютъ ходить въ церковь; а если и ходятъ, то держатъ себя тамъ очень вольно, какъ въ обыкновенномъ мѣстѣ общественнаго собранія. Есть, разумѣется, и очень знакомые съ внутреннимъ содержаніемъ христіанства, и все таки не вѣрующіе ни во что священное; но таковыхъ у насъ на Руси весьма мало; у насъ болѣе либеральничаютъ по наслышкѣ, по модѣ.....

Но позвольте, скажутъ мои собратія, чтобы объяс-

нить всѣ предметы находящіяся въ церкви и употребляемыя при богослуженіи и все содержаніе богослуженія: чтенія и пѣнія на всѣ праздники, на всѣ дни во весь годъ, — да для этого не достанетъ времени и десяти лѣтъ?!

Мы не говоримъ, что въ годъ можно все сдѣлать; мы знаемъ только, что нѣкоторые священники священствуютъ въ одномъ и томъ же приходѣ по 15—20—40 лѣтъ, — и все таки не успѣваютъ объяснить ни одной церковной пѣсни, ни содержанія какого нибудь священнаго изображенія; а между тѣмъ нѣкоторые изъ таковыхъ священниковъ очень часто говорятъ къ народу поученія.

Мы не намѣрены распространяться о достоинствахъ и недостаткахъ нашихъ проповѣдей; объ этомъ уже довольно было говорено и писано въ духовныхъ и даже въ свѣтскихъ журналахъ. Говорили, что въ большей части нашихъ проповѣдей, писанныхъ на извѣстныя темы и по извѣстному всѣмъ семинаристамъ плану, нравственные выводы бывають натянуты, чувства поддѣльны, — что чувства эти испаряются еще въ то время, когда авторъ пишетъ и выдумываетъ, какъ бы по чувствительнѣе и по рѣзче задѣть за живое слушателей, — испаряются и тогда, когда проповѣдникъ заучиваетъ свое произведеніе, — что очень многія проповѣди „сшиты“, т. е. приступъ списанъ изъ одной проповѣди, объясненіе текста изъ другой, нравственное приложеніе — изъ третьей, — что нравственныя приложенія неприложимы къ современной народной жизни, такъ какъ онѣ выписываются большею частію изъ греческихъ отцевъ, — что и самыя лучшія проповѣди, писанныя людьми образованными и для образованнаго класса, страдаютъ логической сухостью, что проповѣди эти больше годны

для аудиторій, а не для церкви, гдѣ истины христіанскія, принимаемыя умомъ, больше всего должны пониматься и усвояться сердцемъ и проч. Много разумѣется тутъ справедливаго высказано, особенно на счетъ „сшитія“ проповѣдей семинаристами; и вообще много бы можно было сказать о недостаткахъ нашихъ проповѣдей, но мы имѣемъ въ виду предложить (осмѣлимся сказать такъ) нѣсколько совѣтовъ: какъ можно избѣжать означенныхъ недостатковъ и крайностей въ проповѣдяхъ и какъ составлять священнику проповѣди, чтобы избѣжать тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаются при сочиненіи на тему и по извѣстному плану и — главное, чтобы проповѣди имѣли вліяніе на слушателей.

Теперь, какъ каждому извѣстно, простой народъ смотритъ на церковное проповѣдничество, какъ на извѣстный отдѣлъ праздничнаго Богослуженія; другіе—какъ на оффиціальную часть священнической должности. Первые во время проповѣди часто молятся и умиляются только одной интонаціей голоса проповѣдника, но не многіе стараются понять содержаніе проповѣди. И здѣсь, они думаютъ, одно стояніе и умиленіе полезны и спасительны для человѣка. Если и поймутъ нѣкоторые изъ простаго народа обличенія и увѣщанія проповѣдника, то и въ этомъ мало пользы бываетъ отъ проповѣди. Это во первыхъ потому, что проповѣдникъ высказываетъ обличенія большею частію общія и мало приложимыя къ жизни народа; во вторыхъ, народъ видитъ въ проповѣди обличеніе книги, а не лица, чувствованіе и сочувствіе радости и горю народа—тоже книги, а не пастыря. По этому мы считаемъ не лишнимъ указать нѣкоторые способы и приемы проповѣдничества, при помощи которыхъ пастырь можетъ вліять на свою паству.

1) Начинайте, прежде всего, объяснять содержание священных изображений во храмѣ, и ихъ истинный смыслъ въ христіанствѣ. А то вѣдь многіе изъ простолюдиновъ не знаютъ, что за святой изображенъ на иконѣ, которому они молятся и ставятъ свѣчи; многіе молятся и ставятъ свѣчи просто иконѣ. Намъ разъ довелось слышать такой разговоръ между двумя простыми женщинами: „ты, никакъ, родимая къ обѣдни, — поставь ко за меня трешникову свѣчу. — Какому образу то? — Да тутъ, какъ войдешь въ бабью то церковь (прідѣлъ), — на правой сторонѣ, что лице то большое. — Да тамъ вѣдь три ихъ. — Да той, что на тетушку то Орину похожа — знаешь? — Знаю, знаю. — Ну ей: она больно (очень) милостива матушка, помогаетъ“. Различныя изображенія одного и того же святаго, народъ считаетъ за разныхъ святыхъ. Особенно народъ заблуждается на счетъ иконъ Божіей Матери: „много ихъ заступницъ“, говорятъ народъ; тутъ, въ представленіи народа множество изображеній одной и той же Божіей Матери, сливается со множественностію самыхъ лицъ Владычицы.

Объясненіе наглядныхъ изображеній святыхъ Божиихъ, дѣяній Бога и святыхъ Его можетъ всего удобнѣе напечатлѣть въ умѣ и сердцѣ народа тѣ истины вѣры и жизни, которыя чрезъ логическіе доводы плохо укладываются въ головѣ простолюдина. Известно, что дѣти лучше всего усвояютъ даже сухія научныя свѣдѣнія посредствомъ рисунковъ. Простолюдины въ дѣлѣ вѣры — тѣ же дѣти.

2) Далѣе слѣдуетъ объясненіе священнодѣйствія, гдѣ, какъ известно, наглядно изображается наше грѣхопадше и все домостроительство нашего спасенія. Объяс-

неніе священнодѣйствій у насъ есть, но только въ книгахъ; изъ книгъ-то и нужно передавать народу.

3) Послѣ этого слѣдуетъ объяснять содержаніе чтенія и пѣнія. Возьмите дневной Апостолъ или Евангеліе и объясняйте текстъ за текстомъ. Возьмите псаломъ изъ часовъ, изъ шестопсалмія, возьмите паремію (особенно пареміи у насъ прочитываются безъ всякаго вниманія), объясните ихъ содержаніе, ихъ значеніе въ В. и Н. завѣтахъ, ихъ приложимость къ церковному богослуженію. Во всемъ этомъ вы найдете и догматическія и нравственныя истины, а обличенія такъ и вытекаютъ сами собой, и обличенія удобоприложимыя, какихъ вы не найдете въ проповѣдяхъ, писанныхъ на тотъ или другой случай, тѣмъ или другимъ отцемъ и учителемъ церкви: тамъ обличеніе имѣетъ частный характеръ, частное отношеніе къ извѣстному строю общества, такому строю, который, быть можетъ, давно уже миновалъ; здѣсь же, въ словѣ Божию, которое имѣетъ характеръ общечеловѣческій и всегда неизмѣнный, вы можете изъ общихъ, основныхъ истинъ вывести какую угодно частную, изъ общихъ обличеній—частное приложеніе. Главное — здѣсь легче всего можно избѣжать тѣхъ натяжекъ въ приложеніи къ жизни, которыя часто встрѣчаются въ проповѣдяхъ „на текстъ“.

Когда вы объясните содержаніе богослуженія, не общее только,—что вотъ пареміи читаются для того—то, шестопсалміе и каѳізмы имѣютъ такое-то значеніе въ христіанской церкви,—а когда раскроете все содержаніе церковнаго богослуженія, объясните все неудобопонятное: тогда можно будетъ ожидать, что предстоящіе внимательнѣе и дѣятельнѣе будутъ участвовать въ общихъ молитвахъ церкви, будутъ сами требовать отчет-

ливаго чтенія и объясненія неудобопонятнаго, — будутъ считатьъ подвигомъ благочестія не одно слушаніе чтенія и стояніе при немъ, будутъ участвовать при богослуженіи не плотію только, но духомъ и умомъ. Тогда можно будетъ ожидать, что, хотя на время, въ церкви во время богослуженія осуществится то вождельвное единство мыслей и чувствъ, чаяній и желаній, и это временное, во храмъ, единеніе, мало по малу будетъ переходить изъ храма въ жизнь, изъ временнаго дѣлаться постояннымъ и вѣчнымъ.

Такое умное и сердечное участіе при богослуженіи принесетъ еще ту пользу, что предстоящіе не будутъ жаловаться на продолжительность церковнаго богослуженія. Не замѣчали ль вы, читатель, сами надъ собой, что когда вашъ умъ и ваше сердце вполне заняты какимъ нибудь предметомъ, время проходитъ очень быстро для васъ: вы не замѣчаете, какъ проходятъ цѣлыя часы, дни и даже мѣсяцы; но когда вы же сами ничего не дѣлаете и ждете только условнаго часа, чтобы отправиться на службу, въ гости, ждете условнаго часа обѣда (хотя и кушать не желаете), — вамъ тутъ минуты кажутся часами. Когда же вы участвуете по нуждѣ, по официїи, даже по желанію, при чужемъ дѣлѣ, котораго не понимаете и нѣтъ вамъ возможности понять, когда васъ при этомъ не интересуешь даже внѣшняя обстановка дѣла; то съ какимъ нетерпѣніемъ ждете условнаго часа для выхода, съ какою досадою смотрите на часы, если только они у васъ есть; если же вы ихъ не имѣете, то какъ часто надоѣдаете своему сосѣду, который по несчастію имѣетъ часы! То же самое бываетъ замѣтно и во храмѣ, разумѣется только въ одной половинѣ предстоящихъ, — считающихъ себя людьми

образованными. Другая же половина молится, по своему, сердечно; но одной сердечной настроенности не надолго хватаетъ при единичной службѣ, которая очень коротка у нашего простолюдина, такъ какъ онъ въ немногихъ словахъ можетъ высказать свои незатѣйливыя желанія. Высказавши въ нѣсколькихъ словахъ свои и по своему желанія и благодаренія, и не видя въ окружающихъ себя ни поддержки, ни сочувствія своей сердечной настроенности, простолюдинъ охлаждаетъ и, убавливаемый монотоннымъ чтеніемъ, начинаетъ засыпать и грезить. Не замѣчали ли вы, что иной вдругъ встрепенется и начнетъ невпопадъ учащенно креститься и когда замѣтитъ, что читаютъ Апостоль или Евангеліе, сковфузится за свои кресты и поклоны и начнетъ оправляться, чтобы скрыть отъ сосѣдей свое „безвременное моленіе“ - свою невнимательность.

Изъ всего этого видно, что у насъ въ храмѣ не только нѣтъ единодушія и единства въ молитвахъ, не только каждый молится о своемъ и по своему, у насъ, сколько ни взываетъ церковь, чтобы во храмѣ оставили всякое попеченіе о житейскихъ дѣлахъ, у насъ, говоришь, многіе не только не оставляютъ заботы о необходимыхъ житейскихъ дѣлахъ, — у насъ святъ и озабочиваютъ свой умъ и сердце пустыми мечтами, у насъ даже нѣтъ у предстоящихъ единства намѣренія, единства цѣли, съ какою всякій долженъ входить во св. храмъ — молиться. И мнѣтъ наши православные, что такое хожденіе въ церковь будетъ спасительно для нихъ! Вспомните, какъ апостолы и св. отцы заботились о единообразіи и благообразіи даже внѣшней стороны богослуженія, чтобы тѣмъ лучше достигнуть внутренняго единенія. Апостоль сравниваетъ непонятное для

слушателей чтеніе съ бездушными звуковыми орудіями, и поставляетъ даже ниже тѣхъ орудій, которые издають понятные условные знаки: *бездушная гласъ дающая, аще сопль, аще тусли, аще разнствія писканіемъ не дадутъ, како разумно будетъ висканіе или туденіе; ибо аще безвѣстенъ гласъ труба дастъ, кто уготовится на брань? Тако и вы аще не благоразумно (не понятно для слушателей, и даже не внятно для себя) слово дадите языкомъ, како уразумѣется глаголемое? Будете бо на воздуха глаголюще....* Если же самъ чтець и понимаетъ содержаніе своего чтенія, и тогда не будетъ пользы для предстоящихъ, если они не будутъ понимать: *ты (когда читаешь и самъ только понимаешь) добръ благодарши, а другой не создается.*

Наконецъ, въ 4-хъ, мы укажемъ проповѣдникамъ на самый обширный, самый разнообразный, самый сподручный, особенно для сельскихъ пастырей, матеріалъ для церковнаго проповѣдничества—это житія святыхъ. У насъ въ проповѣдяхъ почти безъ всякаго вниманія оставляются житія святыхъ, а между прочимъ этотъ способъ проповѣданія ближе всего подойдетъ къ народному пониманію и будетъ оказывать большое вліяніе на слушателей, особенно изъ простаго народа. Здѣсь вы не голыми словами и доказательствами будете проводить въ массу народнаго сознанія ту или другую истину; здѣсь самое лицо, самыя дѣянія святаго,—самая жизнь будутъ научать жить по христіански. У насъ на каждый день полагается по нѣскольку житій; возьмите житіе того святаго, который по своей жизни ближе стоитъ къ пониманію извѣстнаго рода слушателей,—возьмите и прочитайте просто одно житіе безъ всякаго съ вашей стороны нравственнаго приложенія къ извѣст-

ному состоянію слушателей, поясните только неудобопонятныя мѣста, и вы увидите, съ какимъ вниманіемъ будутъ слушать предстоящіе вашъ рассказъ о жизни святаго и какое вліяніе онъ будетъ имѣть на простой народъ. Народъ нашъ любитъ слушать житія святыхъ Божіихъ; самый слогъ житій, самый языкъ близки къ народному пониманію и уважаются народомъ. Такимъ способомъ проповѣданія, если вы уже и не объясните содержанія церковной службы, вы все-таки заставите народъ дорожить божественною службою, — заставите чаще ходить въ церковь, по крайней мѣрѣ хоть съ той цѣлью, чтобы послушать понятное для ума народнаго и близкое его сердцу безхитрое, задушевное описаніе житія святаго.

Отцы и братія! Въ настоящее время, какъ вамъ извѣстно, враги церкви и царства Божія, съ двухъ сторонъ, съ силою и рвеніемъ стараются поколебать основаніе церкви и царства Божія на землѣ. Снизу идетъ дробное и безобразное множество раскольническихъ и еретическихъ (доморощеннаго издѣлія) сектъ; это знамя войны поднимаетъ невозродившееся къ новой жизни человѣческое сердце, неосмысленное даже разумомъ— въ людяхъ слѣпаго фанатизма. Сверху поднялъ гордое свое знамя разумъ человѣческій, который съ дерзкою самонадѣянностію отвергаетъ всѣ благодатныя средства и, въ гордомъ самообольщеніи, думаетъ собственными силами основать на землѣ, по его словамъ, царство мира и любви, на дѣлѣ же—царство грубаго эгоизма,— такое царство, которое въ самомъ своемъ основаніи носитъ зачатки вражды и ненависти. Силенъ Тотъ, Кто сказалъ, что и самыя врата ада не одолѣютъ церкви Божіей: церковь Божія на землѣ стоитъ и будетъ сто-

ять до окончанія міра; но падають ея отдѣльныя чада, что особенно замѣтно въ настоящее время.

Въ образованномъ классѣ, какъ извѣстно, замѣчается большое охлажденіе не къ одной только внѣшности христіанства; но вслѣдствіе непониманія духа и силы христова ученія, люди этого класса холодны вообще ко всему, что содержитъ въ себѣ христіанство. Эта холодность замѣчается уже въ очень многихъ личностяхъ. Правда, это направленіе еще не проникаетъ въ массы народнаго сознанія, плаваетъ только по верху—въ головахъ людей поверхностно образованныхъ. За то простой народъ—одна половина его, которая еще не успѣла пережить періодъ поклоненія внѣшности,—не чужда стремленія въ расколъ. И нельзя сказать, чтобы только одна внѣшняя выправка раскольническаго богослуженія увлекала цѣлыя массы въ расколъ. У раскольниковъ есть учителя, которые благовременнѣ и безвременнѣ проповѣдуютъ (по своему) слово Божіе. У нихъ очень сильна энергія къ проповѣднической дѣятельности, а у насъ священники, думая выполнить долгъ священства совершеніемъ только церковнаго богослуженія и „требъ“, мало обращаютъ вниманія на дѣло учительства. Мы, разумѣется, не осмѣливаемся напоминать пастырямъ церкви о ихъ учительской обязанности; имъ самимъ извѣстно изъ слова Божія неоднократное указаніе на учительскую дѣятельность пастырей церкви, для нихъ нарочито въ „ставленной грамотѣ“, въ краткихъ изреченіяхъ выражены всѣ ихъ обязанности. Мы даже не будемъ напоминать и о той пользѣ, какая проистекаетъ отъ *настоятельнаго* проповѣданія Слова Божія; уважемъ только на то, что нерадѣніе многихъ пастырей къ проповѣданію слова Божія произвело то, что народъ иногда не считаетъ

пастырей за учителей, а только за совершителей таинствъ и „требъ“. Рѣдко можно встрѣтить такого простолюдина, который бы обратился къ священнику за разрѣшеніемъ недоумѣній въ дѣлѣ вѣры и сомнѣній въ дѣлѣ нравственности. Вы видите, что народъ только „зоветь поповъ“ для совершенія требъ, а именно: давать молитву „душамъ“ новорожденнымъ, крестить эти „души“, сочетать бракомъ взрослых „души“, напутствовать умирающія „души“ и погребать „души умершія“. Болѣе этого вы рѣдко гдѣнибудь встрѣтите. Въ комъ же изъ православныхъ зарождается сочувствіе къ дѣлу религіи, тотъ или самъ начинаетъ читать отъ божественныхъ писаній и понимать по своему, или же слушаетъ какого-нибудь самоучку изъ своей же братіи. Тутъ встрѣчается двоякая опасность для православнаго простолюдина: 1) книги, которыя вращаются въ народѣ, большею частію раскольническаго, или еретическаго (доморощенаго издѣлія) содержанія; 2) самые наставники тоже тайные или явные противники православной церкви. Намъ извѣстны нѣкоторыя простолюдины, которые, родившись отъ православныхъ родителей и ревностно посѣщавшіе храмъ Божій и исполнявшіе всѣ предписанія церкви, попали въ расколъ единственно потому, что умѣли читать. Книгъ, какъ извѣстно, при сельскихъ церквахъ почти не существовало, кромѣ богослужебныхъ, которыя нерѣдко даются читать простолюдинамъ (Нынѣ, благодареніе Богу, въ нашей епархіи заведены бібліотеки при многихъ церквахъ; только книгами этими преимущественно пользуется духовенство. Нужно непременно сдѣлать такъ, чтобы изъ церковной бібліотеки могли брать книги всѣ прихожане, умѣющіе читать)... Но человѣку, выучившемуся

читать, хочется часто и самому поучиться и другихъ поучить, или просто у него есть потребность — читать. Такой — то человекъ и беретъ книги у раскольниковъ; раскольники, разумѣется, являются съ полною готовностью къ его услугамъ. Больше всего тутъ дѣйствуютъ тайные раскольники, такъ какъ православный, умѣющій читать, сначала опасается обратиться за книгами къ явнымъ раскольникамъ, чтобы чрезъ чтеніе ихъ книгъ не уклониться въ расколъ. Сначала чтеніе, а потомъ частныя и частыя бесѣды доводятъ такого любопытнаго до отпаденія отъ церкви.

Другая половина изъ простолюдиновъ стремится пополнять еретическія секты — Людей Божіихъ, Молоканъ, Скопцевъ и проч. Къ еретическимъ сектамъ отдѣляются тѣ изъ простолюдиновъ, религіозное чувство которыхъ уже не удовлетворяется одною внѣшностію въ религіи. Ихъ религіозное сознаніе уже пережило періодъ поклоненія природѣ, олицетворенной подъ символомъ того или другаго предмета изъ видимой природы, они уже переходятъ отъ обожанія природы къ обоготворенію человека (1). Люди эти начинаютъ съ того, что отвергаютъ всякую внѣшность, которая ихъ не удовлетворяетъ и думаютъ служить Богу духомъ и истиною. Они стараются уразумѣть смыслъ писаній, но собственное невѣжество

(1) Люди развитые доходятъ до этого по естественной логикѣ необлагодатствованнаго ума человѣческаго, и обоготворяютъ умъ; люди неразвитые доходятъ до этого болѣе сердечно и обоготворяютъ сердце, какъ въѣстилище божества. У насъ въ Россіи обоготвореніе человека послѣдняго рода. Прочитайте сочиненія Людей Божіихъ, Скопцевъ, прислушайтесь къ ученію Молоканъ, вы ясно увидите, что, по ихъ ученію, каждый человекъ есть живой образъ Бога, „каждый имѣетъ въ себѣ внутренняго Христа и Св. Духа. Мало того: у нихъ есть Дже-Саваоель — Давила Филиппычъ, Дже-Христосъ — Иванъ Тимоѣевичъ Селивановъ и проч.

и недостатокъ въ опытныхъ учителяхъ заставляютъ обращаться къ тѣмъ изъ своей братіи, которые довольно знакомы съ Божественнымъ Писаніемъ. „Люди Божіи“ бываютъ очень чутки къ такимъ испытующимъ; они приглашаютъ таковыхъ на частныя собранія, гдѣ пророкъ читаетъ и объясняетъ Слово Божіе. Внятное чтеніе, наглядное и удобопонятное, хотя и ложное толкованіе, восторженная рѣчь лже-пророка съ перваго же раза располагаетъ простолюдина въ ихъ пользу. Тайственные, возбуждающія до духовнаго опьяненія „ночныя радѣнія“ развиваютъ въ немъ до послѣдней степени само собою зародившуюся мистичность. Вотъ на такихъ то людей, у которыхъ начинается передомъ, переходъ отъ виѣшности къ внутреннему уразумѣнію христіанской религіи, слѣдовало бы нашимъ пастырямъ обращать побольше вниманія. Эти люди, при опытномъ наставникѣ, могли бы быть самыми ревностными христіанами, самыми лучшими проповѣдниками христіанства и словомъ и житіемъ. Посмотрите, съ какою ревностію они въ своемъ религіозномъ заблужденіи выполняютъ всѣ опредѣленія своей секты, — для нихъ они жизни не щадятъ.

Знать все это — наше дѣло, пастыри — собратія; и сообразно съ этимъ знаніемъ намъ нужно дѣйствовать на свою паству единственнымъ нашимъ оружіемъ — словомъ или проповѣдничествомъ.

Замѣтки для священно- и церковно-служителей.

изъ наблюденій одного сельскаго благочиннаго.

Водимый желаніемъ всякаго добраго преуспѣванія возлюбленному духовному сословію вообще, а вамъ прис-

ные братіе въ особенности, я рѣшился набросать на бумагу тѣ случаи и тѣ стороны, въ которыхъ и съ которыхъ наичаще и виднѣе выказываются недостатки нашего сельскаго духовенства, съ цѣлю споспѣшествовать по мѣрѣ силъ своихъ ихъ устраниенію, полагая, что есть между нами погрѣшающіе противъ своего благоповеденія въ простотѣ сердца, почти не сознавая самыхъ погрѣшеній, есть полагающіе, что погрѣшности ихъ не замѣтны для другихъ, и есть наконецъ такіе, кои погрѣшаютъ съ сознательнымъ навывкомъ. Да не будетъ мое слово въ обиду ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ; но да примется оно въ духѣ любви, яко отъ согрѣшающа и спострадающа.

Но какъ моя небольшая задача состоитъ въ томъ, чтобы указать на особенно выдающіеся недостатки наши и менѣ замѣчаемые нами самими; то я начну перечень ихъ съ самага виднаго мѣста нашихъ дѣйствій, именно съ церкви и по отношенію къ ней, а потомъ посмотримъ на самихъ себя въ кругу своихъ прихожанъ и своемъ собственномъ.

А.

1) Отъ священника, какъ настоятеля церкви, зависятъ: весь порядокъ, и всѣ безпорядки въ церкви. Добрый примѣръ имъ подаваемый, тотчасъ, за страхъ-ли, за совѣсть-ли, отпечатлѣвается на прочихъ членахъ причта, и даже на цѣломъ приходѣ. Небреженіе или соблазнъ имъ производимые, у ревнителѣй по благочестію вызываютъ скорбь, негодованіе; а для остальныхъ—такъ бывають заразительны, что свою тлетворную атмосферу разливають на широкое пространство. Но на наше горе встрѣчаются между нами личности, ими же соблазнъ

приходить. Я не буду доискиваться причинъ такого при- скорбнаго явленія, которыя, какъ кажется, лежатъ глуб- же одной нашей привычки къ мѣсту святому, не буду указывать и на случаи положительно порочные, грубые, потому что не вижу въ томъ пользы; а укажу лишь на тѣ недостатки, которые легко могутъ быть устранены. Къ нимъ я отношу: когда священникъ позволяетъ себѣ служить молебны въ подризникѣ безъ фелони и безъ пояса, когда священникъ и діаконъ часто и безъ нуж- ды ходятъ въ царскія двери и между царскими дверя- ми и престоломъ; когда причетники облачаются въ сти- хари и снимаютъ оныя на горнемъ мѣстѣ во время свя- щеннодѣйствія, трактуютъ въ олтарѣ о своихъ огоро- дахъ, пирушкахъ, или чинятъ чуть не перебранку, дѣ- ля дѣлоходы; когда входятъ въ храмъ крайне неряшливо, въ непристойной одеждѣ, нечистой обуви; когда не въ пору, не во время бродятъ въ олтарь староста, сто- рожъ и міряне засвѣчать свѣчи, или снимать съ нихъ нагаръ, а иной разъ какъ будто провѣдать, особенно— когда это допускается въ самые важные моменты литур- гии, когда во время проповѣди разносятъ антидоръ, или собираютъ деньги; когда во время совершенія таинствъ, напримѣръ крещенія, допускаются говоръ, шумъ и проч. и проч...

2) Извѣстно, что хорошее пѣніе производитъ на слу- шающаго оное необыкновенно сильное и благотель- ное дѣйствіе. Стало быть, худое пѣніе должно произ- водить обратное дѣйствіе, и оно точно его производитъ. Особенно это послѣднее не желалось бы слышать въ та- кихъ храмахъ, въ которыхъ оно могло бы быть очень дѣльнымъ, еслибъ только обращено было на него хоть сколько нибудь вниманія, или со стороны поющихъ, или

со стороны настоятеля церкви; — когда и довольно даровитые въ пѣніи причетники поютъ небрежно, не благоговѣнно, крикливо, безобразно. Ужъ конечно такое пѣніе не поможетъ нашей бѣдной душѣ справиться съ своимъ беспорядочнымъ состояніемъ при обращеніи ея къ Богу. Не подумайте, что въ деревнѣ нельзя имѣть порядочныхъ пѣвчихъ; лишь не пожалѣйте на этотъ предметъ вашего вниманія, вашего усердія, настойчивости, и вы—съ увѣренностію можно сказать — будете имѣть утѣшеніе слышать пѣніе дѣльное, приличное, или хотя сносное. Неспособны ваши причетники, найдутся способные и изъ прихожанъ, лишь пригласите ихъ, ихъ дѣтей, заохотьте, поощрите ихъ—и конечно всего лучше добрымъ вашимъ словомъ, и вы увидите что будетъ!

3) Чтеніе церковное во многихъ храмахъ совершается спѣшно. *Всѣ спѣшатъ отъ причетника до священника* и при томъ не всегда потому, чтобъ скорѣе кончить службу, *а просто на просто по дурной привычкѣ*. Молящихся утомляетъ не то чтеніе, которое продолжительно да толково, а то, когда они не разберутъ въ немъ ни мысли, ни слова. Еще хуже, когда чтеніе и пѣніе сливается въ одинъ беспорядочный гулъ, или когда одинъ поетъ то, другой-другое и оба вмѣстѣ; когда молитвы и ектеніи читаются невнятно и спѣшно, и иной разъ этотъ спѣхъ выходитъ изъ всякихъ границъ; возгласъ отъ священника, прокимень отъ діакона, онъ же и отъ клира и все это вмѣстѣ опять..... Спрашивается: *для кого и для чего все это совершается мы?*

4) Проповѣданіе слова Божія есть одно изъ самыхъ важнѣйшихъ дѣлъ нашего служенія; поэтому необходимо, чтобъ оно предлагалось народу своѣю возможно чаще. Причемъ, если проповѣдникомъ предлагаются свои

поученія, то непремѣннымъ условіемъ ихъ, въ числѣ прочихъ качествъ, должна быть простота, удобопонятность для нашего простаго народа; а то у насъ въ обычаѣ слово назиданія облекать въ такую мудреную форму, въ какой оно никого не назидаетъ, потому что никто его не понимаетъ, а случается даже, что плохо понимаетъ его и самъ проповѣдникъ, и выходитъ, что мы, *хотяще быти законоучители, не разумѣемъ, ни яже глаголемъ, ни о нихъ же утверждаемъ* (I Тим. 1, 7.). Ужь если такія велемудрыя проповѣди оскомину набили и городскому вкусу, то придутся ли онѣ по складу головамъ нашихъ сельскихъ слушателей? То ли дѣло слышать отъ служителя Божія назиданіе простое, сердечное, задушевное, *слово здравое, незизорное* (Тит. 2, 8.), *слово во благодати, солю растворено!* (Колос. 4, 6.). Изъ готовыхъ поученій, я съ своей стороны не нашелъ лучше, соотвѣтственнѣе для поселянъ, по своей лаконической простотѣ, силѣ, теплотѣ чувства—писаній Ефрема Сирина въ русскомъ переводѣ, напечатанныхъ въ твореніяхъ Св. Отцовъ за 1848—49 годы. Остается еще пожелать, чтобъ входящій на кафедру, не задавался мыслию отличиться, не преслѣдовалъ бы своей личной (выгоды) славы, а имѣлъ бы въ виду и вѣчную и временную пользу своихъ слушателей. Только при этомъ условіи, и въ слѣдъ за симъ послѣдуетъ и его собственная слава, уже не суетная.

5) Ранѣе мы говорили о непріятномъ дѣйстви, производимомъ на сторонняго небреженіемъ служащихъ въ церкви; теперь я за нужное считаю напомнить о неменѣе непріятно дѣйствующимъ и къ сожалѣнію нерѣдко замѣчаемомъ въ служителяхъ олтаря—лицепріятіи. Когда, напримѣръ, они для одного поютъ молебень такъ, а

для другаго иначе, или пожалуй и самый благовѣсть совершается не по чести, воздаваемой воспоминаемому святому, а по чести — приходскому имяниннику; самая раздача просфоръ, подъ вліяніемъ подобныхъ побужденій, бываетъ очень соблазнительна, да и мало ли еще что... Приводимые обыкновенно въ оправданіе такихъ поступковъ бѣдность и въ слѣдствіе ея зависимость отъ прихожанъ, аргументы не довольно сильные, чтобъ оправдывать, *яко работа нашего служенія не токмо есть исполняющая лишенія святыхъ, но и избыточествующая многими благодареніи Божии* (2 Кор. 9, 12.).

6) Въ церкви должна быть соблюдаема строгая опрятность. — Крайне не хорошо, когда на иконахъ, на стѣнахъ и прочемъ тенѣта и пыль, пыль и грязь на полу; не хорошо, когда священныя облаченія лежатъ гдѣ и какъ попало, на окнахъ, на столикахъ, на рѣшеткахъ, гдѣ риза, гдѣ стихарь; обидно видѣть тотъ же обиходъ въ отношеніи разныхъ иконъ, когда онѣ разставлены на мѣстахъ не совсѣмъ пристойныхъ; или — когда здѣсь стоитъ бутылка съ елеемъ, тамъ коробка съ свѣчными огарками далѣе разные сундуки, скамейки, фонари и прочій скарбъ. Чѣмъ меньше въ церкви ненужнаго, тѣмъ лучше, а все нужное должно быть на своихъ мѣстахъ. Скажете: да кто всего этого не знаетъ — Правда. Однакожь зачѣмъ же все это ведется?..

7) Хозяйство церковное должно быть ведено съ большою расчетливостію и глубокою обдуманностію. Нерѣдко случается, что иные, или не получивъ эстетическаго вкуса отъ природы, или не имѣвъ возможности развить его ни наукою, ни образцами, устраиваютъ при церквахъ такія вещи, которыхъ по истинѣ не желалось бы видѣть не только за дорогія деньги, на нихъ потраченныя, но

хотя бы и даромъ. Возьмемъ для примѣра хоть нашу пресловутую церковную живопись, которая впрочемъ въ большинствѣ для правильности должна быть названа мертвописью, мараньемъ, живописнымъ уродствомъ, пасквильною пародіею на живопись, разсматривать которую безъ волненія въ крови нѣтъ возможности. Подумаешь невольно: до чего дошло наше искусство! Да и можетъ ли оно быть названо искусствомъ, какъ не въ смыслѣ выпораживанья церковныхъ денегъ самымъ недостойнымъ образомъ. До чего не развитъ нашъ вкусъ къ изящному, что одни въ состояніи создать такое уродство, а другіе—любоваться имъ,—этимъ пачканьемъ, именующимся живописью, да и соревновать одни другимъ, какъ бы не поддаться. „Тамъ написали, напишемъ и мы“. А господа доморощенные художники — мертвописцы—того и ждутъ, а нѣтъ и посовѣтуютъ; они знаютъ какъ зашибить копѣйку, и чуть случай — не ошибутся взять за свои произведенія истинно художническія деньги. Справедливость и долгъ нашъ требуютъ отъ насъ, чтобы мы съ строгостію—впрочемъ благоразумною—относились къ обычной любви прихожанъ къ такого рода украшеніямъ. Говоря это, я ратую только противъ одной невѣжественной живописи, высоко цѣня истинную. Тамъ, гдѣ имѣютъ возможность наслаждаться ею — съ Богомъ! А нѣтъ, лучше имѣть не многое да хорошее.

В.

1) Святая Церковь съ посвященіемъ іереевъ передаетъ имъ благодатную власть низводить на другихъ непосвященныхъ Божіе благословеніе подъ видомъ крестнаго осѣненія. Но достойно истиннаго сожалѣнія, что

многіе священники, не зная цѣны преподанному имъ церковію неоцѣненному дару, владѣютъ имъ съ явнымъ пренебреженіемъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, лишь стоитъ посмотрѣть, какъ благословляютъ нѣкоторые священники; да и кто не видалъ этого! Какъ иные при этомъ — безцѣльно мотають рукою, что со стороны трудно и опредѣлить, что они творять такое. Повторяемъ, возможно ли не пожалѣть отъ полноты души о такомъ легкомысленномъ взглядѣ на исполненіе своей самой священной обязанности и объ оскорбленіи тѣмъ христіанскаго чувства вѣрующихъ! Удивительно ли послѣ такого презрѣнія къ самымъ лучшимъ учрежденіямъ святой вѣры со стороны хранителей ся скрижалей, видѣть иногда невниманіе и холодность къ ней въ мірянинѣ. И что же? Чѣмъ оправдимся? Не трудностію ли выполненія? — Конечно чѣмъ другимъ, видимое дѣло, когда мы и сами себя не можемъ осѣнить крестнымъ знаменіемъ по надлежащему, не то чтобы другихъ.

2) Словъ нѣтъ, что положеніе нашего духовенства въ отношеніи средствъ своего содержанія не совсѣмъ нормально. Духовный, если за своею надобностію не исполняетъ надобностей своихъ прихожанъ справедливо осуждается, при исполненіи же обязанностей въ приходѣ, онъ неизбѣжно испытываетъ ущербъ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ, и это хозяйство, рядовое съ крестьянскимъ, натурально идетъ въ разрѣзъ съ лучшими сторонами его служенія. Наши нужды (разумѣется не общія всѣмъ), иногда крайнія вопіющія и ничѣмъ неотвратимыя, заставляютъ насъ насиловать собственную природу свою, — заставляютъ, скрѣпя сердце, за свои тяжелые труды протягивать благословляющую руку за подачіемъ — милостынею къ своему прихожанину, кото-

рый послѣ этого по праву становится въ положеніе нашего менената. Но я, господа, затронувъ вашу сердечную рану, конечно не въ состояніи чѣмъ либо помочь вамъ; только вотъ почему я заговорилъ обо всемъ этомъ: терпя нужду, нѣкоторые изъ насъ, сперва съ усиленіемъ съ борьбою ищутъ выхода изъ своего тѣснаго положенія въ помощи прихожанъ; потомъ привыкая къ этому время отъ времени, дѣлаются менѣе и менѣе разборчивыми и совѣстливыми въ выборѣ средствъ *собиранія*, и наконецъ доходятъ до того, что если тотъ, кто долженъ бы заплатить, или не столько состоятеленъ чтобы заплатить, или не столько добросовѣстенъ,—прибѣгаютъ уже, по выраженію одного свѣтскаго лица, и—ко всякаго рода прижимкамъ, нажимкамъ и выжимкамъ. которыя тѣмъ пошлѣе, чѣмъ безсильнѣе, почти и не замѣчая гадости такихъ мѣръ, лишь бы получить себѣ *слѣдующее*, а иногда уже и *не слѣдующее*. И эти *собиранія* бываютъ до безконечности разнообразны, мелочны и иногда безобразны. Міръ видитъ это, осуждаетъ, недавши себѣ труда выикнуть въ причины такого явленія и все это обращается въ притчу и глумленіе: а выикающій міръ компетентный нашелъ даже, что *безъ этихъ отношеній нашихъ къ своимъ прихожанамъ, порвутся наши духовныя связи съ ними..!* Такъ что же остается дѣлать? А ничего, братіе, — болѣе, какъ всюю крѣпостию души вооружиться противу нашей бѣдности, гдѣ она есть, и противу причинъ къ нареканію на наше имя, и на наше званіе, помня слово Апостола: *Пасите еже въ васъ стадо Божіе, посещающее не нуждою, но волею, и по Бозь; ниже неправедными прибытки, но усердно* (1 Петр. 5, 2). *Чадо животомъ просливымъ не живи. Лучше умрети, нежели просити... Во устьхъ не-*

стыдливо прошеніе усладится; а во чревь его онь возгорится (Сирах. 40, 29. 32).

3) Не худо бы было, еслибъ мы не забывали самой обычной вещи: что если человѣкъ неблагоразумно пользуется гостепріимствомъ и радушнаго хозяина, то сему послѣднему трудно устоять противъ искушенія осудить своего гостя; нечего и говорить о менѣе радушномъ, лже-радушномъ и т. далѣе, и если дома нужна благоразумная воздержность, то въ людяхъ ее нужно вдвое. Особенно стыдно и грѣхъ быть падкимъ на охмѣляющее. Извѣстное дѣло, лишь стоитъ священнику показать примѣръ выпиванья, какъ поводы къ нему явятся на каждомъ шагу; отъ этого, сколько мы видимъ — и видятъ всѣ — сценахъ самыхъ возмутительныхъ, грязныхъ, совершаемыхъ — о ужасъ! — народными учителями, пастырями, служителями вѣры — Тайнствъ Христовыхъ! Можетъ ли быть что либо хуже худыхъ поступковъ отъ такого лица, какъ священникъ! Спасибо нашему времени за то покрайней мѣрѣ, что нынѣ мало-мальски порядочное общество считаетъ пьянаго на ряду съ безчестнымъ, и что поэтому нынѣ въ духовномъ сословіи рѣдко слышно о тризнахъ въ честь былаго времени съ его возмутительными сценами, происходившими особенно на храмовыхъ праздникахъ, и о которыхъ наши старцы воздыхаютъ какъ о минувшемъ золотомъ времени — поэзіи пѣвучести, веселья, ликованія. Можетъ статья, что между этими празднествами были и приличные, но тѣ, до коихъ досягаетъ наша память, не стоятъ сожалѣнія.

В.

4) *Се что добро, или что красно, но еже жити брати вкунь* (Псал. 132, 1). Доброе согласіе въ семей-

ствѣ, въ обществѣ, въ государствѣ — неосцѣнимое благо. Духовное сословіе, если въ чемъ, то особенно въ этомъ должно быть примѣромъ для всѣхъ прочихъ. — Этого отъ него можно желать и нужно требовать. Личности, встрѣчающіяся въ ономъ съ наклонностію къ сварливости, сутяжничеству, ябдамъ, составляютъ очень больное мѣсто въ организмѣ сословія. *Убо отнюдь вама срамъ есть, яко тяжбы имате между собою* (I Кор. 5. 7.). Начальствующій, не допуская своихъ подчиненныхъ до беспорядочной жизни, въ тоже время долженъ быть отцемъ для всѣхъ живущихъ и служащихъ честно, благодушнымъ при видѣ ошибокъ въ своемъ ближнемъ, и до послѣдней возможности снисходительнымъ даже къ слабостямъ его, врачуя ихъ добрымъ порядкомъ, съ состраданіемъ, и лишь въ самыхъ опасныхъ и безнадежныхъ душевныхъ недугахъ прилагать къ нимъ вѣдѣнія лекарства. Но прежде всего, самъ онъ долженъ обладать сильнымъ нравственнымъ авторитетомъ, который приобрѣтается умомъ и добротой жизнию. — чтобы врачевать жизнь другихъ, и помнить, что иногда довольно разъ уронить себя, чтобы навсегда потерять свое доброе вліяніе на другаго. Одною властію, грозою, никто не заставитъ ни уважать себя, ни исполнять какъ должно своихъ требованій, ея лишь будутъ бояться и лицемерить.

Подчиненные не должны тяготиться ни преимуществомъ предъ собою начальствующаго, — *безъ всякаго прекословія меньшее отъ большаго благословляется* (Евр. 7, 7), ни исполненіемъ его законныхъ требованій. Добрый человекъ даже не ограничится исполненіемъ одного требуемаго, онъ постарается сдѣлать болѣе; а грубый, безпокойный, безнравственный вездѣ старается на-

ходить себѣ обиду, и изъ пустаго лѣзетъ или въ драку или въ тяжбу.

Конецъ же завѣщанія моего есть любви отъ чиста сердца! Да будетъ благословенъ Богъ и Отецъ Господа Иисуса Христа, благословивый насъ всяцѣмъ благословіемъ духовнымъ въ небесныхъ о Христвъ (I Тим. 1, 5. — Ефес. 1, 3).
